

САМООРГАНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В МОСКВЕ

Мотивы, возможности и пределы
политизации

Денис Волков, Андрей Колесников

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

САМООРГАНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В МОСКВЕ

**Мотивы, возможности и пределы
политизации**

Денис Волков, Андрей Колесников

Данный выпуск «Рабочих материалов» подготовлен Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Никакая часть данной публикации не подлежит использованию кем-либо в какой бы то ни было форме, в том числе воспроизведению, распространению, переработке, иначе как с письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы, пожалуйста, направляйте в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935-89-04
Факс: +7 (495) 935-89-06
info@Carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2016

Содержание

Об авторах	v
Краткое содержание	1
Введение	3
Гипотеза о делегитимации государства	3
Бунт среднего класса?	5
Город и свобода	9
Гипотеза Липсета и «конец власти»	9
«Дворовый суверенитет» и <i>res publica</i>	12
Отказ системы обратной связи	13
Уход бюрократии из-под общественного контроля	15
Власть как средоточие надежд: патернализм или прагматизм?	16
Митинги и рутинная работа как инструмент достижения цели	18
Муниципальные депутаты	19
Думские депутаты и политические партии	21

Динамика гражданского участия	23
Рекомендации	25
Примечания	27
Московский Центр Карнеги	31

Об авторах

Денис Волков — аналитик, руководитель отдела развития «Левада-Центра». Автор работ о российском гражданском обществе, протестной активности, механизмах поддержки высоких рейтингов власти. Имеет степень магистра политической науки Московской высшей школы социальных и экономических исследований и Манчестерского университета.

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги, колумнист газеты «Ведомости» и интернет-издания «Газета.Ru», член правления Фонда Егора Гайдара.

Краткое содержание

Ближайшей перспективой для России станут выборы президента и новый политический цикл. В ситуации фактически прямого противостояния власти и неподконтрольного ей гражданского общества важно понимать, как будет развиваться гражданская активность.

Основные задачи исследования

- Определить причины и мотивы, подталкивающие людей к самоорганизации, гражданской активности, а иной раз и к гражданскому протесту.
- Выяснить, переходит ли активность и протест из гражданской сферы в политическую; что может остановить политизацию протеста или, напротив, стимулировать ее.

Основные выводы

- В коммуникации власти и общества наблюдается тенденция к подмене реальных взаимоотношений фиктивными.
- В то же время на местном уровне (в отдельных районах города Москвы) происходит не просто активизация местных сообществ и их быстрая самоорганизация, но и возникают цепочки решения отдельных прагматических вопросов. Заметную роль в этих цепочках играют независимые муниципальные депутаты.
- Сообщества граждан готовы принимать помощь от любых партий и значимых депутатов. В силу того что перед ними стоят прагматические задачи, они нередко с недоверием относятся к помощи радикальной несистемной оппозиции, считая, что это приводит к нежелательной политизации и сложностям в достижении целей.
- Мы наблюдаем амбивалентное отношение к власти у протестующих: с одной стороны, недовольство властью, которая не выполняет заявленные обязательства, коррумпирована, беззастенчиво вторгается в привычную городскую среду, не готова прислушиваться к гражданам; с другой стороны — апелляция к власти, надежда на ее помощь.

- Связи между федеральной «большой политикой» и «беспределом» на низовом уровне значительная часть активистов либо не видит, либо сознательно не хочет замечать.
- Рост активности на местном уровне — в том числе как реакция на неспособность власти эффективно решать проблемы граждан — сигнализирует о запросе на децентрализацию, на расширение полномочий управленческих и гражданских структур на местном уровне.
- Крайне низкая эффективность институтов обратной связи уже привела к усугублению конфликтности в отношениях общества и власти, и в ближайшие годы мы прогнозируем усиление этого тренда. Гипотетически может произойти поворот гражданских сообществ от установки на прагматическое использование существующих институтов к установке на их изменение.

Введение

Основой совместного исследовательского проекта Московского центра Карнеги и Аналитического центра Юрия Левады («Левада-центра») стала серия углубленных интервью с лидерами новых гражданских инициатив и протеста, муниципальными депутатами, лидерами «старого» протеста образца 2011–2012 годов, руководителями гражданских организаций, а также три фокус-группы. Мы отбирали респондентов по принципу их включенности в значимые местные инициативы. В выборку попали защитники парков «Дубки», «Торфянка», «Ходынское поле»; представители объединений — обманутых вкладчиков и дальнобойщиков, протестующих против системы «Платон»; союзы жителей отдельных муниципальных районов города Москвы; группы, выступающие за сохранение культурного наследия столицы и против точечной застройки; представители объединений наблюдателей на выборах; три муниципальных депутата и один депутат Государственной думы (все четверо неоднократно упоминались в интервью гражданских активистов).

Следует оговориться, что в данной работе мы не ставим своей задачей привести полный список различных гражданских инициатив и протестных акций, но пытаемся описать типичные ситуации и проблемы взаимодействия наиболее активных сообществ москвичей с властью, с населением и между собой. Речь пойдет прежде всего о наиболее распространенных настроениях активных москвичей и их восприятию текущей ситуации.

Гипотеза о делегитимации государства

На каком социально-политическом фоне происходят исследуемые нами процессы? Какова теоретическая «подкладка» нашего эмпирического исследования?

В работе Андрея Колесникова и Бориса Макаренко «Выборы-2016: рутинизация или перемены?» была высказана гипотеза о своего рода отделении гражданского общества от государства¹ и формировании новой легитимности внутри гражданского общества. Мало того что государство

подавляет неподконтрольную ему политическую и гражданскую активность — оно предоставляет неэффективные сервисы и допускает непроизводительное расходование бюджетных средств в обмен на налоги, тем самым нарушая негласный социальный контракт. Настоящее гражданское общество, таким образом, исключается не только из политической, но и из обычной гражданской жизни. Любое проявление самостоятельности, любые несанкционированные инициативы кажутся опасными с точки зрения сохранения власти нынешних элит и их лидера.

В результате гражданскому обществу государство или не нужно, или только мешает. Становится возможной своего рода эмиграция существенной части населения страны. Но не за границу (или не только и не столько за границу), а в другую, параллельную государству реальность.

Гражданскому обществу государство только мешает. Становится возможна своего рода эмиграция части населения в параллельную государству реальность.

В неформальную экономику, неформальные общественные связи и организации, даже в неформальные обыкновения, перерастающие в каком-то смысле в новое нормативное поведение, в своего рода новую мораль, где нет места государству, — в ту область, где возможно восстановление утраченного межличностного и институционального доверия, в том числе в гражданскую активность. К слову, примерно таким образом возникала «параллельная» легитимность

в СССР времен Михаила Горбачева, когда так называемые неформалы артикулировали более радикальную, чем государство, повестку дня.

Базовый риск такой ситуации в том, что государство при этом вступит в фазу делегитимации — не юридической, но фактической. Само общество будет считать решения государства и способы формирования органов власти все менее легитимными и станет создавать свои центры легитимности. Причем такая деятельность вовсе не окажется антиконституционной. Наоборот, она будет соответствовать духу и букве Конституции.

Представительная ветвь власти в том виде, в каком она сложилась в современной России — формальная и имитационная, — уже не способна остановить это взаимное дистанцирование государства и общества. Сегодняшний парламент не представляет неподконтрольное государству гражданское общество. И даже если гражданское общество (то есть сообщество демократически ориентированных, не зависящих от государства граждан) не составляет в России большинства ее граждан, получается так, что нынешняя власть легитимирует волю лишь части народа, но вовсе не всех граждан Российской Федерации.

Власть и политический порядок в России невозможно поменять в сегодняшних обстоятельствах демократическим путем. Значит, не представленная во власти часть граждан может предпочесть отдельный от государства способ существования.

Ключевая проблема России состоит в том, что утрачена возможность смены власти с помощью выборов. В отличие, например, от многих латиноамериканских стран (скажем, Аргентины или даже Венесуэлы), с которыми принято сравнивать Россию.

Смысл возможных политических перемен в России состоит именно в формировании условий для регулярной ротации власти — благодаря этому меняются элиты, психология граждан, политика. Благодаря этому возможно восстановление связи по линии «государство — общество». Очень важно, по формуле Михаила Ходорковского, «создание возможностей для российского общества на честных выборах выбрать для себя путь развития на четыре-пять лет. Возможно, ошибиться, а потом сделать новый выбор»².

Для восстановления контакта государства и гражданского общества необходимо переформулировать неписанный социальный контракт. В начале нулевых годов он выглядел так: отказ граждан от вмешательства в дела государственных элит в обмен на крохи от нефтяного пирога. С 2012-го, а затем в еще более внятной форме с 2014 года его формула стала менее комфортной для граждан: отказ от свобод и экономического процветания в обмен на Крым и чувство «великой державы». Классический же общественный договор артикулируется следующим образом: налоги в обмен на государство-сервис и представительство во власти (по *taxation without representation*). Ротация власти здесь ключевой элемент. Другого реально действующего контракта и быть не может, однако пока на практике его реализация нелепима. И гражданское общество пытается развиваться вне какого-либо социального договора с государством или делая вид, что этот контракт есть, потому что надо же к кому-то апеллировать, чтобы было принято какое-либо решение, с помощью которого граждане могут, например, себя защитить. Наша задача — разобраться с тем, как это происходит.

Бунт среднего класса?

Что порождает новый гражданский городской активизм?³ Почему появляются самоорганизующиеся градозащитные, экологические движения, объединения жителей районов и т.д.?

Назовем сразу несколько разнородных факторов:

- падение доверия к политическим партиям и вообще к институтам власти;
- отсутствие механизмов обратной связи по линии «власть — общество»;
- глухота власти, которая не прислушивается к обществу и принимает решения без учета мнений граждан;

- действия властей, раздражающие граждан, разрушающие их привычную «среду обитания», часто прямо у людей «под окнами».

Последнее обстоятельство особенно важно в Москве, где существуют и традиции протестных практик, причем необязательно политизированных, и где власти чрезмерно активно занимаются благоустройством города. Эти действия городских властей — точечные застройки с вторжением в зеленые зоны, переустройство парков с нарушением привычной среды и экологии и другие схожие инициативы — все чаще вызывают раздражение горожан, а иной раз стимулируют их к активному сопротивлению.

Как правило, такие движения неполитизированы, но опыт массовой митинговой активности 2011–2012 годов, безусловно, до сих пор памятен и подсказывает гражданам, защищающим свой двор или парк, технологию действий. По крайней мере одну из таких технологий — митинги.

Базовые мотив и причина самоорганизации людей — несправедливые действия властей или бизнеса, явным образом с ними аффилированного. Как правило, граждане не видят никакой связи между вседозволенностью властей, которые в последнее время перестали даже проводить публичные слушания по поводу переустройства городской среды, и отсутствием в стране и в том числе в городе нормально работающих политических институтов и механизмов обратной связи. А если и видят, то сами не хотят политизировать проблему, потому что любая политизация мешает решить вполне практический вопрос, как, например, то же изгнание бульдозеров из родного двора.

Москвичи, самостоятельно решающие проблемы «дворового» или «паркового» масштаба, несмотря на свою способность к очень быстрой самоорганизации, умение действовать практично и эффективно, не полагаясь на помощь и понимание официальных властей, настроены в некоторой степени патерналистски. В том смысле что они, например, прохладно относятся к помощи депутатов и политиков, состоящих в оппозиционных партиях, — считается, что те «пиарятся», а реальную помощь могут оказать только депутаты парламентских партий, то есть от «партии власти» в широком смысле слова (особенно активны КПРФ и «Справедливая Россия» — официальная «оппозиция Его Величества»). Почему? Потому что у них априори есть та самая власть. И апеллировать нужно именно к власти, не надеясь на попытки построить институты, автоматически исключающие нарушение прав граждан на нормальную среду для жизни. И это понятно: никто не верит, что такие институты можно построить. А большинство даже и не задумывается о такой возможности и сознательно (или бессознательно) остается неполитизированным.

Здесь, впрочем, нужно оговориться. В условиях Москвы, особенно «продвинутых» районов, к которым относится один из самых замет-

ных с точки зрения гражданского активизма Юго-Запад⁴, жители склонны чаще занимать более активную гражданскую позицию.

В некотором смысле это типичное поведение среднего класса, одновременно требующего от государства более качественные сервисы, но и лояльного этому государству. Настоящий средний класс⁵ отнюдь не класс-бунтарь, а если и бунтарь, то поневоле. Так называемые рассерженные горожане (тоже очень условное понятие с широким социальным представительством) после протестов конца 2011-го — первой половины 2012 года, когда стало очевидным, что выходить на улицы с политическими лозунгами опасно и бесперспективно, в большинстве своем не требуют смены режима в стране или даже смены градоначальника. Им нужно, чтобы не вторгались в их среду, не нарушали нормальный уклад жизни, сохраняли более или менее сносную экологию, насколько это вообще возможно в гигантском мегаполисе.

Действия активистов, с одной стороны, действительно ориентированы на помощь государству. Но, с другой стороны, в них можно усмотреть прагматизм: там, где никакие вопросы не решаются без государственной бюрократии, приходится адаптироваться к правилам игры. Поэтому если мы и говорим о патернализме, то скорее как об использовании его в качестве инструмента защиты прав.

Не будучи в состоянии изменить институты государства, представленные в случае Москвы структурами мэрии, ее департаментами, управами, префектурами, новые гражданские активисты встают на путь легальной борьбы за свои права с действующими институтами. Это такой «реализм, не требующий невозможного», действующий в пределах допустимого.

Отсюда возникновение таких «ремесленных», практических навыков ведения городской градозащитной «герильи», где ценятся юридические знания; опыт написания петиций, жалоб, сбора подписей, организации митингов и вообще мобилизации большого числа граждан; способность подключать депутатов разных уровней от провластных партий.

Это не изменение институтов, а прагматическое использование существующих. Например, активисты знают, что внимание властей к требованиям граждан по понятным причинам особенно заметно проявляется перед выборами. Поэтому они стараются использовать этапы электоральных кампаний для решения городских проблем. Протестующие заставляют работать на себя идеальную ситуацию, когда их проблемы замечает руководство страны. Так было в истории с защитой полей Тимирязевской академии от застройки: сигнал бедствия был послан во время прямой линии с главой государства. Активисты хорошо понимали, что в их случае защиту нужно искать на самом верху, минуя множество звеньев государственной иерархии.

Не будучи в состоянии изменить институты государства, новые гражданские активисты встают на путь легальной борьбы за свои права с действующими институтами.

В любом случае сопротивление должно быть гораздо активнее действий той стороны, которая нарушает права граждан: только так можно добиться успеха. И чем раньше начинается это сопротивление — например, до того, как согласована вся строительная документация, — тем эффективнее могут оказаться действия протестующих.

Социальный состав протестующих и (или) сопротивляющихся и их взгляды, в том числе политические, очень разные.

Как и в случае с Болотной площадью, это не только продвинутые strаты, но и все социальные слои сверху донизу. В эпоху протестов для них нашли тоже довольно условное название, позаимствованное у Ричарда Флориды, — «креативный класс», хотя опять-таки на площадях был представлен срез всего общества, а не только люди постиндустриальных и творческих профессий⁶.

Но вот в чем точно не упрекнешь новых социальных активистов, так это в том, что они богачи, «норковые шубы». В этом смысле возможности государственной пропаганды по дискредитации активистов в гораздо большей степени ограничены, чем в 2011–2012 годах. Опросы показывают, что в случае «местных» и «трудовых» конфликтов население склонно принимать сторону протестующих. Так, в числе протестных акций последнего времени различные «марши» оппозиции пользовались поддержкой от 30 до 40% населения, знавшего об их проведении. В то же время протесты врачей и дальнобойщиков поддержали вдвое большее число россиян. Для сравнения: первые протестные акции 2011 года поддерживали около 45% россиян и более половины москвичей⁷. К тому же новые активисты точно не требуют смены власти и режима, а заинтересованы в восстановлении справедливости в очень конкретных ситуациях и по очень конкретным поводам. Гражданским «сопротивленцам» повсеместно свойственно ощущение того, что «правда» на их стороне. И это придает сопротивлению последовательный, грамотный и иной раз жесткий, неуступчивый характер, что опять-таки не всегда понимают власти разных уровней.

Однако любой конфликт в сегодняшней городской среде, тем более если их число множится, объективно заставляет и наблюдателей, и власти, и самих участников городского сопротивления задаваться вопросом: почему раз за разом так происходит, что власть не слышит, не хочет услышать общество, подавляет его и борется с ним? Нет ли в самой системе недостатков, которые позволяют так обращаться с настоящим, а не искусственным гражданским обществом? И не содержится ли в новых гражданских движениях, столь похожих на организации времен перестройки, зародыш перемен в стране, государстве, обществе?

Город и свобода

Городской воздух — это воздух свободы⁸. Возможно, исторически в России это было не совсем так. Но со времен интенсивной урбанизации позднесоветского времени в стране начал формироваться тип стандартного представителя среднего класса — жителя города, с его специфическими запросами на более качественную среду обитания и даже на политические права, что стало очевидным во второй половине 1980-х.

Нынешняя реконструкция Москвы без учета мнения жителей столицы нередко вызывает отторжение у локальных сообществ горожан.

Дело в том, что новая урбанизация по-собянински — будь она глубоко провинциальна или, как утверждают ее адепты, созвучна духу времени⁹ — направлена против интуитивно осознаваемой жителями Москвы городской свободы; против возможности самим гражданам решать, как именно жить в своем квартале. В тех районах столицы, где много зеленых зон и архитектура осмысленна, а не унифицирована, за сохранение этой экосистемы жители готовы бороться — и делают это весьма успешно, как показывает наше исследование.

У части горожан — тех, кто участвовал в протестах 2011–2012 годов, возможно, осталось и проявилось снова возмущение произволом: мало того что отняли политические права, возможность выбирать свою власть, теперь вот лезут еще и под окна со своей строительной техникой, мусором, пылью, причем лезут, не спросив разрешения и не посоветовавшись.

И в этой точке может прийти понимание того, что пренебрежение правами на большом политическом уровне и умаление прав на уровне жилья, дома, парка — это прочно связанные вещи и носят они политический характер.

Гипотеза Липсета и «конец власти»

Интерес новых гражданских движений — это интерес средних городских слоев. Саму по себе готовность защищать свои права, пусть и на первый взгляд права неполитические, можно считать одной из поведенческих характеристик среднего класса. Месседж протестов 2011–2012 годов был прочитан политическим режимом именно как требование расширить присутствие среднего класса и как предъявление его запросов. Во всяком случае, в одной из установочных предвыборных статей Владимира Путина реверанс в эту сторону присутствовал: «Средний класс должен расти и дальше. Стать социальным большинством в нашем обществе. Пополняться за счет тех, кто тащит на себе страну, — врачей, учителей, инженеров, квалифицированных рабочих»¹⁰. Характерно, что здесь сделан акцент на необходимости расширения средних слоев, но за счет тех

профессий, которые традиционно составляли не столько российский, сколько советский средний класс.

Как бы то ни было, запрос среднего класса не был удовлетворен властью, а своей социальной опорой она сделала скорее слои с достатком ниже среднего, так называемых бюджетников, которые напрямую зависят от власти и от государственных выплат. Хотя бы потому, что события на

Болотной площади надолго отбили охоту поощрять во всех социальных слоях политическую активность — вплоть до того, что политической стала считаться и активность социальная.

Опыт мобилизации 2011–2012 годов под политическими лозунгами показал, что возможна самоорганизация на уровне городских локальных сообществ.

Опасения, связанные с возможностью масштабных политических протестов, заставили власти жестко контролировать не только собственно политическую систему, но и гражданскую сферу. Возможно, именно пренебрежение интересами средних слоев горожан

(особенно в потенциально «революционной» столице), ясно выраженное на федеральном политическом уровне, стало психологической индульгенцией и для столичных властей: значит, можно делать что угодно, не спрашивая ни о чем жителей Москвы.

Однако предыдущий опыт мобилизации 2011–2012 годов под политическими лозунгами показал, что возможна и самоорганизация на уровне городских локальных сообществ. Общество, внешне смирившись с усилением авторитарного государства на всех уровнях, в действительности осталось свободным. Активные его представители готовы пользоваться этой свободой, как минимум защищая свои городские, как бы неполитические права и становясь потенциальными агентами перемен, способными превратить общество из толпы обывателей в содружество объединенных общим делом граждан.

Казалось, российское общество развивалось в соответствии со знаменитой теорией Сеймура Мартина Липсета, согласно которой по мере роста доходов, уровня жизни, образования люди начинают предъявлять спрос на демократию и хорошие политические институты, а достигнув этой цели, стабилизируют их¹¹. Ко времени массовых протестов Россию уже относили к группе стран со средним доходом¹². Гипотеза Липсета была подтверждена и эйфорией от так называемой четвертой волны демократизации¹³ и от «конца власти». Мойзес Наим, бывший министр экономики Венесуэлы, ныне сотрудник Фонда Карнеги, разъяснял смысл термина «конец власти» в своем одноименном бестселлере: «У тех же, кто обладает властью, оказывается все меньше способов ее применить... власть переходит от мускулов к интеллекту, с севера на юг и с запада на восток, от гигантских старых корпораций к расторопным стартапам, от закоснелых диктаторов к обычным людям на площадях и в виртуальном пространстве»¹⁴. Он же отмечал появление

такого феномена, как «революция множества», что означает размывание, дисперсию власти, формирование в самом обществе множества «микровластей». Это, в свою очередь, было поддержано «революцией мобильности» (включающей в себя глобальную мобильность, урбанизацию) и «революцией ментальности» (формирование ожиданий новых классов)¹⁵.

Дарон Аджемоглу (здесь мы будем придерживаться более адекватного, чем «Асемоглу», написания его фамилии по-русски) в одной из работ отмечал фундаментальное значение еще одного процесса, возможно охватывающего все остальные: это «революция прав» граждан, которые в течение нескольких десятилетий только расширились. Апеллируя к той же гипотезе Липсета, Аджемоглу пишет: «...продвижение институционального развития, связанное с революцией прав, ею вызванное и ее вызывающее, — главный двигатель тех технологических и экономических изменений, которые мы пережили за последнее столетие»¹⁶.

Тем не менее и в России, и во многих других странах все оказалось гораздо сложнее. Не то чтобы гипотезы Липсета, Наима и Аджемоглу опровергнуты течением событий — вовсе нет. Просто движение к большей свободе и диффузии микровластей оказалось нелинейным и противоречивым.

В России снижение активности протестного движения и — шире — любых гражданских акций было вызвано рядом причин. Сыграли свою роль репрессии, в частности «Болотное дело»; ужесточение законодательства, регулирующего протестную активность; отсутствие единой политической платформы оппозиционно настроенных граждан — особенно после того, как власть присоединила к России Крым. При этом экономический кризис не спровоцировал политизацию населения, а, напротив, сосредоточил внимание граждан на решении повседневных проблем, на адаптации к новым социально-экономическим условиям¹⁷.

Тем не менее эта массовая лояльность власти еще не означает, что меньшинство граждан или даже часть пропутинского большинства не готовы выступать с разного рода гражданскими инициативами, идущими вразрез с политикой властей.

Вопрос Болотной площади и проспекта Сахарова 2011–2012 годов «Кто здесь власть?», звучавший с трибуны протестных акций, не снят с повестки дня. И понимать его следует даже не только и не столько в политическом смысле, сколько в социальном. Возникновение таких «микровластей» внутри достаточно узкого радиуса взаимного доверия — на уровне микрорайона, района, профессионального сообщества — приводит к тому, что государство и его структуры становятся гулливерами, окутанными тысячьо микродержав¹⁸.

Да, независимые НКО в России дискредитированы государством¹⁹, но это не означает, что люди непременно доверяют исключительно го-

сударственным инициативам или поддерживают традиционные партии. Популярность парламента и партий неуклонно падает, а в отсутствие заслуживающих доверия институтов граждане начинают выстраивать доверие в организациях, которые они формируют сами.

«Дворовый суверенитет» и *res publica*

Если угодно, речь идет о своего рода «суверенизации двора» — там, где граждане могут на что-то повлиять, они самоорганизуются. Радиус доверия и пространство ответственности расширяются и иной раз уже не ограничиваются только двором или парком. Потенциальное разрастание «дворового суверенитета» до масштабов городского района теоретически может достичь масштабов города, а то и страны. Но масштаб означает политизацию — мыслей, действий и ответственности. Таким образом «культура избегания политики» (*culture of political avoidance*)²⁰ размывается — и появляется уверенность в том, что гражданин может что-то сделать и на что-то повлиять (*doable*) не только «рядом с домом» (*close to home*), но и в более значимых масштабах.

Никто, конечно, не застрахован от риска «банализации общественной активности»²¹, когда начинает формироваться преувеличенное представление о влиянии той или иной организации или системы действий и создается впечатление, что та или иная группа представляет собой мощную силу²². Однако расширение радиуса доверия, влияния и активности объективно создает то, что исследователи из Европейского университета (ЕУ) в Санкт-Петербурге называют «инфраструктурой участия»²³.

Проблемы новых городских сообществ появляются по той причине, что у них до возникновения конфликтной ситуации с властями не было желания участвовать в решении общих проблем города. Теперь ситуация постепенно может измениться. И тогда вместо слова «город» мы легко сможем поставить слово «район» или даже «страна». В такого рода деятельности нет принципиальной разницы между политической активностью на федеральном уровне и прагматическим протестом на уровне двора. Это в любом случае участие в решении, обсуждении неких общих вопросов и тем, общих вещей — *res publica*.

Ключевая же ловушка в том, что общественная мобилизация иной раз проходит и не имеет продолжения, стоит только решить проблему. Впрочем, бывает и так, что ощущение *res publica* порождает постоянно действующие сообщества и каналы участия, которые во многом замещают традиционные — вроде выборов. Хотя и выборы иногда становятся значимым инструментом для сообществ *res publica*.

По выражению ректора ЕУ СПб Олега Хархордина, «надо к коммунальной инфраструктуре города или двора добавить или пристроить инфраструктуру гражданской коммуникации»²⁴.

Теперь стоит поговорить о том, как именно, согласно результатам нашего исследования, выстраивается эта гражданская инфраструктура.

Отказ системы обратной связи

Нельзя сказать, что власть вообще не проявляет интереса к тому, что происходит «на земле»: среди большей части опрошенных есть консенсус по поводу того, что московская власть «слушает и прислушивается ко всему» и «не слушает она только того, кто молчит». Однако равноправному или хотя бы уважительному взаимодействию с гражданами власть предпочитает одностороннюю коммуникацию — сверху вниз: опросы общественного мнения, различные мониторинги СМИ, публикаций ведущих блогеров и т.д. Коммуникация «снизу вверх» осуществляется через официальные письма и обращения «в установленном законом порядке».

Происходит подмена реальных каналов обратной связи с гражданами фиктивными: вместо слушаний — голосования в интернете, вместо консультаций с местными объединениями граждан — формирование вокруг себя прикормленных и фейковых структур. И все это ради создания видимости общественного согласия. Реально образовавшимся ассоциациям граждан власть противопоставляет искусственно созданные — от различных молодежных общественных палат до «официальных» советов парков. Распространенной практикой становится фактический отказ от проведения публичных слушаний.

По мнению участников исследования, застройщики в партнерстве с московскими властями находят лазейки в законодательстве, чтобы не проводить общественные слушания.

Так, по словам одного из опрошенных, «*есть хитрости в градостроительном кодексе, которые позволяют некоторые проекты на публичные слушания по каким-то причинам не выносить*»²⁵. Поэтому модельной становится следующая ситуация:

«Было решение о реконструкции гостиницы... но вместо этого там строится совершенно новое здание; это просто уплотненная застройка; нет никаких документов, никаких проектов, никаких публичных слушаний».

Параллельно происходит выхолащивание самой процедуры публичного обсуждения планов строительства, когда в зал «*нагоняется масса, а жителей не пускают*». То есть жильцов близлежащих домов не оповещают о дате и месте проведения слушаний, а вместо них помещение заполняется «*сотрудниками, условно говоря, ЖЭКа*» или «*коммунальщиками*», которые и обеспечивают застройщику требуемый результат. Это, кстати говоря, старая советская технология имитации демократии.

Кроме того, некоторые активисты опасаются, что бизнес будет лоббировать дальнейшие изменения в законодательстве Москвы в сторону еще большего сокращения или даже отмены института публичных слушаний.

Даже при нынешней процедуре собрать жильцов на обсуждение проектов строительства довольно трудно. По словам одного из респондентов, под которыми могли бы подписаться многие из опрошенных, «при-

Интерес застройщика состоит в том, чтобы обойти процедуру слушаний. Мотивы понятны: без лишнего шума начать строительство.

зывать людей ходить на межевание, которое является нулевым подготовительным этапом застройки, и требовать, чтобы придомовая территория межевалась по закону... вот это очень сложно, люди не понимают, зачем это делать... пока жареный петух не клюнет в темечко»²⁶. Большинство людей активизируются, только когда «беда приходит в их дом или под их окна», то есть когда все вокруг обносят забором, рубят деревья и начинают строительство.

Интерес застройщика состоит в том, чтобы обойти процедуру слушаний. Мотивы понятны: без лишнего шума начать строительство. Однако отмена публичных обсуждений чаще становится поводом к открытому конфликту. По мнению одного из респондентов, «*строят совершенно по беспределу²⁷, вопреки всем нормам, вопреки всем правилам, несмотря на все протесты жителей, несмотря на все письменные обращения в прокуратуру... Они просто открытым текстом говорят, что они заплатили соответствующие взятки, что они будут строить, потому что они купили разрешение*».

Другой респондент вспоминает следующие слова застройщика: «*Ребята, мы терпим убытки, сворачивайте свою лавочку, хватит бузить... мы не отступим, нам некуда деваться, у нас уже деньги уплачены, такие потери*».

По убеждению большинства активистов, практически в каждом случае чиновники выступают в сговоре с застройщиком. И расследование «Трансперенси Интернешнл Россия» о роли компаний, связанных с вице-мэром Москвы Маратом Хуснуллиным, в застройке территории парка «Дубки» лишь подтверждает эти опасения²⁸. Поэтому любой открытый конфликт бьет по репутации прежде всего властей уровня мэрии (федеральная власть обычно выносятся за скобки, а чиновники на местном уровне, по общему мнению интервьюируемых нами людей, ничего не решают). Для значительной части неравнодушных граждан последние решения московских властей представляются спорными: когда «*каждый год кладут новую плитку*», «*благоустраивают одни и те же улицы*», когда «*по документам реконструкция, а по сути отмывание денег*».

Судя по всему, активистами в ряде случаев движет не столько знание реальных фактов, сколько демонстративное пренебрежение их мнением:

«У нас градостроительные решения, затрагивающие общенациональное достояние, принимаются исключительно чиновниками... Это же страшно, когда такие вещи, общезначимые, [принимаются по принципу] „мы вам сделаем“, невозможно увидеть проектные предложения», «у жителей не спрашивают, что им надо. Это как насильно сделать человека счастливым, а откуда они знают, что нам нужно для счастья».

Жители часто готовы к компромиссу:

«Никто не возражал против строительства храма как такового, никто. Но... вот тут не надо строить, не надо влезать в уже сложившийся замечательный совершенно зеленый бульвар... Все те места, которые предлагали для строительства храма, это были наши скверы, уже благоустроенные, уже сложившиеся», «я еще раз хотел бы подчеркнуть, мы не против строительства и развития Москвы, мы против нарушения законов и своих прав».

Поэтому предварительное согласование с гражданами решений, напрямую затрагивающих интересы местных сообществ, могло бы снизить остроту конфликта или вовсе предотвратить недовольство. При этом был бы важен как работающий механизм достижения компромисса, так и сам благожелательный жест в сторону наиболее активных горожан.

К сожалению, чаще всего согласования интересов не происходит и противоположная сторона (будь то девелопер, церковь или городская администрация), чувствуя за собой силу, склонна к оказанию прямого давления на активистов. В интервью, которые проводились летом 2016 года, респонденты отмечали, что на время отпусков и в период избирательной кампании решения по многим спорным вопросам были отложены. Активисты опасались, что после парламентских выборов 2016 года давление на них может вырасти. И случай с задержанием и обысками защитников парка «Торфянка» может сигнализировать о начале новой фазы подавления самоорганизующихся групп в Москве.

Уход бюрократии из-под общественного контроля

По ощущениям респондентов, за последние несколько лет формализм со стороны власти усилился, число отписок выросло. Кто-то из респондентов связывает это с тем, что после присоединения Крыма у чиновников появился удобный повод игнорировать запросы наиболее активных граждан:

«После крымских событий проще на любого недовольного повесить печать агента Госдепа или майдановца, чем решать проблему».

Рост конфликтных ситуаций многие активисты объясняют также экономическим кризисом, который, по словам респондентов, приводит к «сокращению бюджетного пирога» или «кормовой базы», а значит, и более решительным посягательствам на общественные блага или

пространства (например, точечная застройка придомовых территорий и зеленых зон):

«Это же стало делаться как-то исключительно по-воровски. Какое-то демонстративное неуважение к жителям появилось. Чувство такое, что нужно последний кусок оттащить... скорей-скорей все, что осталось, а то ничего не останется».

Еще одно типичное объяснение заключается в том, что власти любого уровня обычно противодействуют независимым общественным инициативам, так как *«им в принципе не нужны ростки свободомыслия»*, *«для них это всегда головная боль»*, *«они предпринимают все для того, чтобы это дискредитировать и на корню подавить»*.

Похожие слова гражданские активисты повторяют от одного исследования к другому. Это говорит о характерной установке бюрократии: избавиться от любого общественного контроля под любым предлогом и при первой возможности. По словам Г. Дилигенского, который указывал на эту проблему еще в начале 1990-х годов, российская бюрократия после распада советской системы избавилась от партийного контроля и заняла в политической системе привилегированное положение. И сегодня она по-прежнему видит своей главной целью защиту собственных властных прерогатив²⁹. Важно подчеркнуть, что всевластие бюрократии и присущие ей установки на централизацию и контроль являются одной из родовых характеристик российской политической системы. Многие из того, что приписывается режиму Владимира Путина, является лишь развитием тенденций, заложенных ранее.

Власть как средоточие надежд: патернализм или прагматизм?

При всех претензиях, которые активисты предъявляют чиновникам, власть почти всегда одновременно выступает и главным адресатом, и объектом жалоб большинства гражданских объединений, которые борются за свои права. Такую амбивалентность равнодушных граждан по отношению к власти можно считать характерной чертой борьбы за гражданские права в Москве. Большинство опрошенных уверены, что главное — не молчать и всеми способами привлекать внимание руководства:

«Власть — она на то и власть, что она слушает и прислушивается ко всему. Не слушает она только того, кто молчит»; «несмотря на отморозенность, когда до власти доходит обратная связь, они все-таки реагируют... когда начинают идти постоянным потоком письменные обращения граждан... власть вынуждена реагировать». Активисты уверены, что *«митинг в любом случае попадает в мониторинг мэрии; исполнительная власть, если она не в курсе, что есть недовольство по*

проблеме, она об этом узнает; по крайней мере будет сигнал о том, что проблема существует».

Как мы уже отмечали, это можно было бы считать проявлением патерналистских настроений. И часть активистов действительно полагает, что все безобразия происходят без ведома власти. Так рассуждают в первую очередь те, кто никогда раньше не попадал в конфликтные ситуации. Поэтому первым шагом людей, защищающих свои права, бывает «жалоба вышестоящему руководству», например в форме вопроса на прямую линию президенту. Иногда это работает, чаще всего нет. Но в большинстве случаев речь скорее идет о прагматизме борцов за свои права. Действия активистов не похожи на заискивание перед начальством и скорее больше напоминают попытки принуждения власти к диалогу:

«Главный смысл таких массовых мероприятий — через СМИ оказать еще больше влияния на городские власти. Потому что если о проблеме никто не говорит, это значит, что ее нет, ничего делать не надо. Если она получает какой-то резонанс, тогда, возможно, московские власти будут как-то суетиться, чесаться».

Наиболее продвинутые и успешные объединения граждан используют целый арсенал способов давления на власть. К ним относятся написание официальных писем в государственные органы; обращения в суд, к депутатам различного уровня; подготовка пресс-конференций и сотрудничество с городскими и даже федеральными СМИ; подготовка вопросов для прямых линий президента; сбор подписей под коллективными обращениями (при этом считается, что «живые» подписи лучше подписей в интернете); митинги и пикеты. Респонденты не раз подчеркивали, что все эти меры необходимо использовать в комплексе.

Шансы на успех повышаются, если активистам удастся сыграть на различиях в интересах застройщика и городской власти, городской и федеральной властей. Например, политическая установка на поддержание общественного спокойствия может оказаться важнее платежей в бюджет или корыстной выгоды конкретного чиновника. Шансы на успех, хотя бы частичный, напрямую зависят от юридической подготовки активистов; четкости и грамотности сформулированных требований; способности быстро вступить в борьбу (лучше до принятия официальных решений); масштаба общественного резонанса.

Респонденты сами часто отмечали неполноту или временность своих побед. По их словам, коррумпированные чиновники, застройщики и другие нарушители прав граждан могут ненадолго отступить: дожидаться, например, окончания предвыборной кампании, во время которой власти бывают особенно чутки к проблемам избирателей; подождать, когда люди устанут дежурить у места уплотнительной застройки или митинговать, а СМИ переключатся на другие темы. Как только шум утихнет, атаки нарушителей общественных прав могут возобновиться.

Митинги и рутинная работа как инструмент достижения цели

По общему убеждению, митинги являются одним из самых эффективных способов давления на власть. Например, один из участников исследования вспоминал, что только после того, как с помощью депутата Думы был организован митинг, активистам удалось добиться решения вопроса. При этом, по словам другого респондента, важен масштаб мероприятия:

«Если туда приходит десять человек, на него просто не обращают внимания, если удастся собрать со всей Москвы несколько сотен или даже тысяч человек — это совсем по-другому выглядит».

Повторим, главная цель таких митингов — решение конкретной проблемы. Участники привлекают к проблеме внимание властей, заявляют о своем желании восстановить утраченные права, демонстрируют серьезность намерений и общественную поддержку. Типичным является следующее мнение:

«Значимо показать городским властям, что есть много людей — и это не некие эфемеры, которые подписывают в интернете письма, но что реальные люди пришли».

Возникновение проблемы мобилизует людей, но если вопрос удастся решить — люди расходятся по домам.

Инструментальный характер таких митингов, четко очерченная тематика акций (например, градозащитники могут не захотеть митинговать с экологами, а обманутым вкладчикам не придет в голову объединяться с пострадавшими от условий валютной ипотеки), преобладание трезвого расчета над эмоциями — все это отличает локальные протестные акции от массовых митингов оппозиции образца 2011–2012 годов.

Но ведь и общественные настроения в 2016 году заметно отличаются от настроений пятилетней давности. Сегодня в массовом сознании нет того разочарования во власти, широко распространенного ощущения тупика, нарастающего раздражения властью, плохо артикулированного запроса на обновление — всего того, что в конце 2011 года привело сначала к протестному голосованию на выборах в Думу, а затем и к массовым протестам.

После присоединения Крыма к России политическая система обрела новую легитимность. И хотя многие рейтинги — за исключением президентского — почти вернулись к докрымским показателям, напряжение в обществе только еще начинает нарастать. А значит, массовых протестов по образцу митингов на Болотной площади и проспекте Сахарова ждать рано.

На сегодняшний день митинги — это лишь один из многих доступных инструментов, который гражданские активисты используют прицельно и в сочетании с остальными. Характерно следующее высказывание:

«Без юридического какого-то момента все, конечно, бессмысленно; но без привлечения к себе внимания, без какого-то публичного участия это тоже бессмысленно, и мы решили организовывать митинг».

В другом случае тактика заключалась в том, чтобы «искать юридические нестыковки, писать жалобы, заявления... постараться все это освещать медийно, публично; мы давали пресс-конференции, приглашали на наши мероприятия прессу; и третье, самое главное, у нас неравнодушные жители организовали так называемый блокпост».

Во многих интервью сквозной мыслью звучало, что для успешной защиты парков (придомовой территории, культурного наследия и проч.) необходимо *«работать с документами, смотреть кадастровые карты, ходить на эти жуткие общественные обсуждения, общаться с чиновниками»*, привлекать юристов, адвокатов, экспертов, пиарщиков, журналистов. Требуется грамотная команда и рутинная работа, координировать которую могут лишь те люди, которые занимаются этим на постоянной основе.

Муниципальные депутаты

И такая профессионализация, видимо, происходит. Роль координаторов и лидеров местного сообщества играют активисты, которые могут уделять борьбе за гражданские права значительную часть своего времени. Часто такими лидерами становятся депутаты муниципальных собраний района, речь о них заходила практически в каждом интервью.

В деле защиты москвичами своих гражданских прав независимые депутаты сегодня играют одну из самых заметных ролей, хотя еще пять лет назад это было не так. Дело в том, что не связанные с властью депутаты в массовом порядке пришли на свои посты на волне протестной мобилизации 2011–2012 годов (московский закон о местном самоуправлении к тому времени уже действовал около десяти лет, он был принят в ноябре 2002 года). Тогда, по результатам местных выборов в марте 2012 года, которые проходили одновременно с президентскими, в муниципальные собрания города прошли десятки критически настроенных по отношению к московской власти кандидатов (по некоторым оценкам, они получили до трети мест из 1500)³⁰.

По словам одного из народных избранников, принявшего участие в нашем исследовании, на каждое районное собрание приходилось максимум два независимых кандидата, *«которые реально что-то делают; все остальное — едросовское болото, которое просто поднимает руку»*. По мнению другого респондента, только если в муниципальном собрании *«набирается достаточное количество единомышленников, они могут принимать достаточно важные районные решения и влиять на что-то»*.

При небольших формальных полномочиях активные муниципальные депутаты, среди которых есть как мужчины, так и женщины, становятся

Выборы-2017 можно считать своеобразной лакмусовой бумажкой гражданской активности в Москве, они позволяют лучше оценить масштаб этого явления.

лидерами и организаторами местных сообществ жителей. Это происходит, в частности, благодаря положению посредника между различными группами: гражданами, средствами массовой информации, политическими партиями, депутатами других районов, властными структурами. По

словам самих избранников, *«депутату проще объединять вокруг себя людей: с одной стороны, у тебя есть некие полномочия, тебя избрали люди, ты не назначенец, ты независим, политика партии тебя не затрагивает. Это со всех точек зрения удобная позиция».*

По сравнению с обычными гражданами у депутата больше опыта борьбы за гражданские права, и поэтому *«одна из основных задач депутата — помочь жителям реализовать свои права, помочь с организацией митинга... с привлечением СМИ, с распространением информации в соцсетях, с формулированием обращений в органы власти, участием в публичных слушаниях».* Несколько депутатов при поддержке жителей наладили в своих районах выпуск альтернативных местных газет.

Наконец, муниципальный депутат тоже имеет право написать запрос, на который в течение месяца обязаны ответить представители власти и организаций. В условиях недобросовестного сговора застройщиков и местных властей своевременно получить информацию о готовящихся решениях очень трудно. Это удавалось сделать в том случае, если в местном муниципальном собрании присутствовали независимые депутаты, готовые защищать интересы местного сообщества и поддерживающие связь с местными группами активных граждан. Тогда появлялся шанс своевременно оповестить жильцов о месте и времени проведения слушаний и добиться результата, который хотя бы частично устраивал местных жителей.

Активность муниципальных депутатов, как и местных гражданских ассоциаций, говорит о растущем спросе на децентрализацию:

«Нужно добиваться, чтобы у депутатов было больше полномочий: благоустройство, капитальный ремонт, работа районных библиотек, парки — нужно, чтобы это все находилось в ведении муниципалитета».

Одна мысль рефреном повторяется из интервью в интервью: *«Людям надо требовать возврата полномочий на муниципальный уровень, самим решать, где парковка, где детская площадка, как расти траве, сколько раз ее стричь и убирать, внятно контролировать ремонт... это задача самоорганизации людей».*

Между тем формирующийся в обществе запрос, похоже, не находит поддержки не только у власти, но и у оппозиционных партий, которые могли бы лучше артикулировать эти пожелания:

«Требовать возврата полномочий на муниципальный уровень — вот единственная, на мой взгляд, повестка федерального уровня. Это раздача

полномочий на места. Не вытягивание их наверх, как сейчас везде делают, а раздача полномочий на места».

Процессы, протекающие на муниципальном уровне столицы, неоднозначные и разнонаправленные. Часть депутатов, избранных в 2012 году, на сегодняшний день уже покинула свой пост вследствие разных причин, среди которых разочарование, переоценка собственных интересов, давление со стороны власти и др.³¹ Тем не менее наше исследование позволяет предположить, что интерес к выборам в муниципальные собрания со стороны наиболее активных представителей гражданских сообществ не ослабевает.

Например, до последнего времени лишь собрание Тимирязевского района насчитывало несколько независимых депутатов, которым совместными усилиями удавалось проводить свою собственную политику на уровне района. Но в сентябре 2016 года к нему присоединилось собрание района Щукино, где из 15 мандатов восемь достались независимым кандидатам и лишь семь «Единой России»³². Независимым кандидатам помогла яркая избирательная кампания Дмитрия Гудкова, который баллотировался в депутаты Государственной думы от «Яблока» по соответствующему одномандатному округу.

Места выбывших депутатов могут быть заполнены уже в следующем, 2017 году, когда состоятся московские муниципальные выборы. В этот раз среди претендентов, скорее всего, будет больше тех, кто решился начать электоральную кампанию осознанно, а не под влиянием эмоционального порыва. Выборы-2017 можно считать своеобразной лакмусовой бумажкой гражданской активности в Москве, они позволяют лучше оценить масштаб этого явления.

Думские депутаты и политические партии

Обращение к депутатам различного уровня активисты расценивают как действенный механизм решения возникающих проблем. Для них важно, что *«к депутатам можно прийти на личный прием, с ними поговорить и попытаться лично их убедить — к президенту на прием прийти не удастся».*

Главный ресурс, которым обладает депутат, с точки зрения гражданских активистов, это возможность провести массовую акцию:

«Любое скопление людей полиция может разогнать, и тогда это проводится как встреча с депутатами... все по закону, а фактически тот же митинг»; «такой популярный теперь формат, который позволяет собираться людям».

Кроме того, у депутата есть право депутатского запроса, с помощью которого можно получить необходимые документы. Депутаты обладают большим авторитетом в глазах полиции и других правоохранительных органов.

По свидетельствам большинства респондентов, они в первую очередь рассчитывали на помощь депутатов от КПРФ, и часто эту помощь удавалось получить:

«Коммунистам нужно отдать должное, у них хорошо выстроено взаимоотношение с жителями»; «самый большой эффект был от сотрудничества с коммунистами»; «они приходили на публичные слушания, нас поддерживали, на местном уровне нас очень хорошо поддерживают... [хотя] идеология КПРФ далеко не всем близка».

Главное, в чем значительное число гражданских активистов расходится с Коммунистической партией РФ, это ее идеология сталинизма.

Второй по числу упоминаний среди активистов оказалась партия «Яблоко», с той лишь оговоркой, что на сегодня *«толку от нее мало»:*

«„Яблоко“ помогает, но веса не имеет, у них нету депутатов в Госдуме, у них нету депутатов в Мосгордуме, какие могут от „Яблока“ быть встречи с депутатами (Государственной думы. — Прим. авт.), когда у них только районные депутаты»; «одно время Митрохин (Сергей Митрохин, председатель партии «Яблоко» в 2008–2015 годах. — Прим. авт.) приходил хотя бы на какие-то митинги, а сейчас как бы все».

По факту получается, что в Москве из политических сил коммунисты наиболее последовательно и результативно помогают гражданским активистам.

Помимо двух названных партий, некоторые опрошенные упоминали помощь представителей «Справедливой России», но это были редкие случаи, инициативы отдельных депутатов. От партии власти поддержки не ждут:

«У нас нет депутатов от партии власти, и никак они не появляются вообще».

Те активисты, кого можно было бы отнести к «интеллигенции», предпочли бы работать с «Яблоком». Но они вынуждены признать, что эта партия на сегодняшний день не в состоянии оказать такую поддержку. Как нам представляется, дело не только в отсутствии у партии депутатов в городском и федеральном парламенте, но и в общей дезориентации и нерешительности самого «Яблока».

По факту получается, что в Москве из политических сил наиболее последовательно и результативно помогают гражданским активистам коммунисты. При этом, судя по нашим интервью, сама КПРФ ведет себя с протестными группами предельно осторожно. Возможно, партия хочет усидеть на двух стульях. С одной стороны, коммунисты пытаются добиться симпатий активистов, с другой стороны, ведут себя так, будто стараются не перейти некоторую красную линию, чтобы не испортить отношения с властью, вызывая ее раздражение связями с протестными группами. Возможно, именно излишняя осторожность и следование политической конъюнктуре не позволяют КПРФ по-настоящему сблизиться с активистскими сообществами.

В целом для большинства наших респондентов были важны не идеологические вопросы, а решение их конкретных проблем. Весьма распространена у респондентов следующая фраза:

«Мы всем партиям говорили: кто готов помочь, помогайте, мы помощь принимаем».

Большинство рядовых активистов хотели бы получить поддержку именно партии власти, мэра или президента. Последовательные борцы за свои права, скептически настроенные по отношению к руководству города, скорее являются исключением. Например, активист, принимавший участие в защите территории Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева от посягательств застройщиков, уверен, что подключение к протестным акциям несистемной оппозиции нанесло очевидный вред решению прагматической задачи. Зато он заметил, насколько эффективным оказалось обращение к президенту РФ в ходе так называемой «Прямой линии с Владимиром Путиным». Это ситуация, когда защитники своих прав готовы сотрудничать практически с любыми представителями политического режима, лишь бы защита оказалась результативной.

В таких случаях люди считают, что именно у государства есть сила и полномочия для решения проблем, что оно по закону обязано решать социальные вопросы, а слишком громкая критика власти может навредить человеку. Но так как поддержки со стороны власти наши респонденты чаще всего не находят, даже самые лояльные из них в отдельных случаях начинают втягиваться в открытую борьбу за свои права — политизироваться.

Причем политизация происходит против воли большинства активистов — и в роли «оппозиционеров» они чувствуют себя некомфортно. Власть сама «выталкивает» граждан в политику. Следующие высказывания респондентов можно считать типичными, повторяющимися:

«У нас абсолютно, еще раз повторю, никакой политики нет. У большинства активистов никакой политики нет. Им главное, так сказать, что их права нарушаются в их районе... Большинство активистов специально этим не занимаются. Они начали заниматься, когда у них под окном, грубо говоря, начинался беспредел»; «своим бездействием федеральная власть толкает обывателей, абсолютно аполитичных, в руки оппозиционеров».

Динамика гражданского участия

Невозможно дать однозначную оценку динамике процессов, происходящих в активистской среде столицы.

С одной стороны, в 2016 году по сравнению с 2011–2012 годами резко снизилось число москвичей, вовлеченных в наблюдение за выборами или в протестные акции. Уголовные преследования по «Болотному делу», ужесточение законодательства о митингах, закон о некоммерческих

организациях — «иностранных агентах»³³ привели часть активистов к отказу от общественно-политической деятельности, а порой и к отъезду из России. Кто-то уехал, опасаясь преследований, кто-то — из чувства безысходности или просто в поисках лучшей доли. Часть независимых депутатов муниципальных собраний Москвы, избранных на волне протеста и воодушевления в марте 2012 года, покинули свои посты. Кого-то лишили полномочий коллеги, кто-то уехал из России, иные сами решили сменить сферу деятельности.

И все же напрямую сравнивать день сегодняшней и период массовой протестной мобилизации конца 2011-го — начала 2012 года было бы неправильно. Тогда общество, прежде всего в столице, находилось в возбужденном состоянии, которое по определению не могло продолжаться долго. И хотя большинство новичков исчезли так же быстро, как и появились, ядро активных граждан в столице в результате протестов скорее выросло. Например, движение по оказанию помощи пострадавшим от наводнения в Крымске в 2012 году (получившее затем продолжение во время наводнения на российском Дальнем Востоке) возникло во многом благодаря усилиям участников «Оккупай Абай» — уличного протестного лагеря в Москве³⁴. Среди самых молодых и заметных кандидатов на выборах в Думу в 2016 году по Москве было несколько человек, которые стали известны широкой публике именно во время протестов 2011–2012 годов³⁵.

Исследование показывает, что на уровне местных сообществ постепенно происходит накопление опыта борьбы за гражданские права, формируются сети активных граждан, различные профессиональные ассоциации, активистские группы по интересам. Создаются сообщества жильцов в социальных сетях, накапливаются базы адресов электронной почты и телефонных номеров неравнодушных жителей районов, членов ТСЖ и проч. Преимущества таких связей очевидны:

«Когда удастся создать систему горизонтальной самоорганизации, когда есть контакты почти всех домов в районе, когда есть понятный и самоорганизованный актив, то на особо острые вопросы, скажем так, большую компанию удастся собрать»³⁶.

Социальная среда мегаполиса становится все более плотной, пронизанной разными социальными сетями, соединяющими людей друг с другом.

Объединение активистов идет не только в масштабе отдельных районов, но и на общегородском уровне. Можно отметить такие ассоциации, как «Комитет-42»³⁷ или Московская городская коалиция, которые объединяют наиболее активных граждан разных районов города. Цели таких объединений схожи и формулируются следующим образом (приводим высказывания трех респондентов):

«Основное предназначение — это именно координация и обмен информацией, работа по противодействию вот этим всем незакон-

ным действиям. Основная помощь — это, конечно, помощь массовой поддержки».

«Главный смысл создания этих коалиций в том, чтобы еще больше заявить о каких-то типовых проблемах строительства парков, например. Чтобы просто поднять проблемы на более высокий уровень, как в плане СМИ, так и в плане внимания московских властей. Косвенно поспособствовать их решению. Практический результат — это прорыв информационной блокады».

Цель заключается в том, чтобы «работать совместно и выработать алгоритмы взаимодействия и противодействия, которые будут включать в себя как юридическую помощь и консультации, так и совместную организацию общественно-политических мероприятий... главная цель — это выработка эффективного механизма противостояния беспределу, который сейчас творится».

Возможность быстро собрать людей, среагировать на чрезвычайную ситуацию, будь то вырубка сквера или проблема с потерянными вкладами, зависит, с одной стороны, от наличия таких социальных сетей, а с другой — от партнерства с заметными фигурами на уровне района и города, к которым в случае беды можно обратиться за помощью.

Готовность людей браться за решение небольших «бытовых» вопросов, участвовать в благотворительности, в локальных историях, происходящих «прямо под окнами», скорее выросла. Но говорить о едином движении по защите гражданских прав на общегородском уровне пока рано. В лучшем случае мы наблюдаем его формирование. У различных активистских групп отсутствует общее понимание ситуации, нет общего видения будущего.

Рекомендации

Как правило, в силу специфичности современной ситуации в России раздел «Рекомендации» остается незаполненным: никто не знает, что можно в принципе сделать в обстоятельствах персоналистского, авторитарного, корпоративистского режима, одним из условий выживания которого является подавление гражданского общества и любого не санкционированного государством проявления волонтерской, гражданской активности.

И тем не менее даже в современной России государство и общество находятся в одной лодке. А следовательно:

1. Риски гражданского общества, описанные в этой работе, являются также и рисками государства.
2. Прогнозируемое нами нарастание конфликтности и напряжения в отношениях государства и общества, спровоцированное, с одной стороны, чрезмерным регулированием, контролем и вторжением государ-

ства в общественные и частные сферы и в социальную среду обитания людей, а с другой стороны — неспособностью государства предоставлять гражданам качественные сервисы, может создать проблемы для власти. Власть любых уровней, привыкшая отвечать на проблемы пропагандой и (или) репрессиями (в разных дозах в зависимости от ситуации), в случае нарастания конфликтности, пусть и внешне не политической, а социально-бытовой, рискует не найти адекватных ответов на новые вызовы.

3. Значит, власти заинтересованы в том, чтобы снять напряжение в отношениях с обществом и снизить градус конфликтности, даже если этот интерес диктуется исключительно стремлением к выживанию. Особенно это актуально на фоне ожидаемой длительной социальной и экономической депрессии, ухудшения потребительского и социального самочувствия граждан, беспрецедентно низкого представительства разных слоев населения во властных, в том числе выборных, структурах разных уровней.
4. Снизить градус конфликтности можно, если государство захочет и сможет выстроить работающие, а не имитационные институты взаимодействия с гражданским обществом. Для достижения этой цели, как показывает наше исследование, есть эффективные способы: децентрализация, делегирование полномочий в низовые инстанции (префектура, управа), усиление роли муниципальных и городских депутатов, формирование реального, а не имитационного самоуправления граждан. Законодательство желательно скорректировать таким образом, чтобы произвольное вторжение кого бы то ни было в социальную среду обитания людей оказалось невозможным. Иными словами, все должно быть направлено на то, чтобы слышать мнение и учитывать позицию самоорганизующихся структур граждан.
5. Инфраструктура участия должна работать прежде всего на низовом уровне и при этом быть институционально адаптированной к тому, чтобы голос «низа» был услышан. Если власти не хотят политизации гражданской активности, они должны не сопротивляться изо всех сил формированию инфраструктуры участия, а способствовать ее развитию. Важно, чтобы эта инфраструктура была независимой, не втискивалась в общественные палаты, общественные комитеты и прочие организации, подконтрольные и подотчетные властям.

Такой сценарий может показаться утопическим набором прекрасных пожеланий. Однако, повторимся, это и в самом деле не только проблема жизнеспособности гражданского общества, но и вопрос сохранения политического порядка. Даже если власть этого сейчас не осознает.

Примечания

- 1 *Макаренко Б., Колесников А.* Выборы-2016: рутинка или перемены? — М.: Московский центр Карнеги, 2016 // <http://carnegie.ru/2016/07/15/ru-64074/j305>.
- 2 Ходорковский и Чичваркин представили свое видение будущего России «после Путина». — Телеканал «Дождь», программа «Здесь и сейчас», 18.04.2016 // https://tvrain.ru/teleshov/here_and_now/hodorkovskij_i_chichvarkin-407671/.
- 3 Наше исследование касается только Москвы.
- 4 Считается, что здесь проживают люди с более высоким образованием, уровнем достатка и градусом протестных настроений, причем еще с советских времен: это спальные районы советского среднего класса, в том числе академической интеллигенции, так что в этой географической точке хороший «эффект колени».
- 5 Понятие «средний класс» используется в этой работе условно для обозначения типичных средних городских слоев.
- 6 Подробнее о социальном портрете протестующих 2011–2012 годов см.: *Волков Д.* Протестные митинги в России конца 2011-го — начала 2012 года: запрос на демократизацию общественных институтов. — Вестник общественного мнения. №2 (112), 2012. — С. 73–76 // http://www.levada.ru/sites/default/files/vom2_2.pdf.
- 7 *Волков Д.* Кризис в умах: стоит ли ждать массовых протестов. — Forbes.ru. — 18 февраля 2016 года // <http://www.forbes.ru/mneniya-column/protesty/313135-krizis-v-umakh-stoit-li-zhdai-massovykh-protestov>.
- 8 Макс Вебер в работе «Город» (1921) писал: «Западный город как в древности, так и в России был тем местом, где совершался переход из несвободного в свободное состояние» (*Вебер М.* История хозяйства. Город. — М., 2001. — С. 362). В одной из работ по социологии города Алексей Левинсон пишет: «Местом, где сам воздух освобождал от рабства, где были закрепленные гражданство, права, свободы, — этим местом был только город» (*Левинсон А.* Опыт социологии. Статьи. — М., 2004. — С. 108).
- 9 *Ревзин Г.* Благоустройство Москвы: мы готовы терпеть кнут, но подавитесь вашим пряником. — Комментарий Carnegie.ru, 16 июня 2016 года // <http://carnegie.ru/publications/?fa=63823>.
- 10 *Путин В.* Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить. — Известия. — 16 января 2012 года.
- 11 *Lipset S. V.* Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. — The American Political Science Review. №1, 1959. — P. 102 // http://scholar.harvard.edu/files/levitsky/files/lipset_1959.pdf. «Недавние события, включая свержение ряда диктатур, во многом отражают последствия роста среднего класса, роста благосостояния и образования». — Русский перевод цит. по: *Бикбов А.* Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу

- реальность. — М., 2015. — С. 70. Модели поведения российского среднего класса в кризис описаны в работе: *Колесников А.* «Тройной удар»: российский средний класс в осажденной крепости. — М.: Московский центр Карнеги, 2015 // <http://carnegie.ru/publications/?fa=59177>.
- 12 <http://www.worldbank.org/en/country/russia/overview>; по классификации Мирового банка, Россия до сих пор относится к категории экономик upper middle income: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519-world-bank-country-and-lending-groups>.
- 13 *Fukuyama F.* Political Order and Political Decay. From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. — N. Y., 2014. — P. 399–403.
- 14 *Наим М.* Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе. — М., 2016. — С. 15–16.
- 15 Там же, с. 100–105.
- 16 *Асемоглу Д.* Мир, который унаследуют наши внуки // Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее / Под ред. Игнасио Паласиоса-Уэрты. — М., 2016. — С. 40.
- 17 См., например, регулярный мониторинг социальных индикаторов Института социального анализа и прогнозирования: <http://www.ranepa.ru/uceniyy-issledov/strategii-i-doklady-2/bulletin>.
- 18 *Наим М.* Конец власти... С. 408.
- 19 В частности, так называемым законом об иностранных агентах: https://amnesty.org.ru/pdf/RUS_ForeignAgentsbriefing.pdf.
- 20 *Eliasoph N.* «Close to Home»: The Work of Avoiding Politics. — Theory and Society. Vol. 26, № 5, 1997. — P. 605.
- 21 *Наим М.* Конец власти... С. 396.
- 22 Мойзес Наим пишет: «...увлечение онлайн-петициями, подсчетами фолловеров и лайков уводит потенциальных участников и оттягивает ресурсы у организаций, выполняющих по-настоящему опасную и плодотворную работу... стремительное размножение малых дел и краткосрочных инициатив приносит опасность того, что мы больше не сможем создавать настоящие сильные объединения, добивающиеся четко определенных политических целей. Считайте, что тема коллективного действия перешла на субатомный уровень». Там же, с. 397.
- 23 Что такое республиканская традиция / Сборник статей. Науч. ред. О. В. Хархордин. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — С. 22.
- 24 Например, Олег Хархордин пишет: «...граждане могли бы повлиять на более адекватное размещение теплообменников в 644 череповецких многоэтажных домах (купленных на деньги всех горожан в счет кредита, взятого еще в конце 1990-х у Мирового банка)». *Хархордин О.* Свобода дорогой товар. — Новая газета. — 31 мая 2013 года.
- 25 Здесь и далее шрифтом выделены цитаты из интервью, проведенных в рамках нашего исследования.
- 26 Межевание — процедура определения границ земельных участков под застройку.
- 27 Слово «беспредел» в отношении происходящего встречалось в проведенных интервью около трех десятков раз.
- 28 «Миньоны Хуснуллина. Как стать мультимиллионером в 23 года, если твой покровитель — вице-мэр Москвы». Публикация на сайте «Трансперенс Интернешнл»

- Россия», август 2016 года // <http://transparency.org.ru/special/marat-husnullin/>.
- 29 *Дилigentский Г. Г.* Социально-политическая психология. — М.: Новая школа, 1998. — С. 280.
- 30 *Железнова М.* Что могут депутаты муниципальных собраний. — Ведомости. — 16 апреля 2012 года // https://www.vedomosti.ru/library/articles/2012/04/16/partiya_malyh_del.
- 31 *Бекбулатова Т.* Революции снизу не получилось. — Коммерсантъ-Власть. — 18 июля 2016 года // <http://kommersant.ru/doc/3036738>.
- 32 *Нехезин В.* Российская оппозиция заплатила за свечи и проиграла в выборы. — Би-би-си. — 20 сентября 2016 года // <http://www.bbc.com/russian/features-37413371>.
- 33 Так, из 147 организаций, внесенных в реестр НКО — иностранных агентов, московские организации составляют четверть (36 названий), три из них были ликвидированы. Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента, на сайте Министерства юстиции РФ: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx>.
- 34 *Волков Д.* «Оккупай Абай» — уличный протестный лагерь в Москве в мае 2012 года глазами его участников. — Вестник общественного мнения. №1–2 (117), 2014. — С. 193 // http://www.levada.ru/sites/default/files/vom_1-2_2014.pdf.
- 35 Ни один из них, правда, не смог пройти в Думу.
- 36 Интересно, что накопление контактов и создание баз данных сторонников одновременно происходит и в гражданских, и в политических организациях. Вопросу создания базы сторонников для проведения избирательных кампаний посвящена, например, большая часть интервью с политтехнологом избирательного штаба Д. Гудкова: «Главные проблемы в голове»: выборы глазами политтехнолога Обамы и Сандерса. — republic.ru. — 19 сентября 2016 года // <https://republic.ru/posts/73528>.
- 37 Названный так в честь 42-й статьи Конституции, которая гарантирует каждому гражданину право на благоприятную окружающую среду.

Московский Центр Карнеги

Московский Центр Карнеги более 20 лет служит одним из самых авторитетных источников аналитической информации о России и странах бывшего СССР.

Публикации Московского Центра Карнеги выходят на русском и английском языках и охватывают широкий круг вопросов — от внутренней политики и тенденций развития общества до внешнеполитической повестки и проблем нераспространения ядерного оружия.

Центр привлекает самых разных специалистов, объединенных приверженностью принципам научного подхода и объективного анализа. Наши эксперты не только превосходно разбираются в специфике местных реалий, но и видят их в глобальной перспективе.

Фонд Карнеги за Международный Мир был учрежден Эндрю Карнеги в 1910 году. Основная задача Фонда — содействие сотрудничеству между странами. В своей деятельности Фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине.

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КАРНЕГИ

САМООРГАНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В МОСКВЕ

Мотивы, возможности и пределы политизации

Денис Волков, Андрей Колесников

Редактура и корректура бюро ТХТ (www.txtburo.com)

Дизайнер русскоязычной версии Я. Красновский

Компьютерная верстка Ю. Мосягин

Фото на обложку: Антон Новодережкин/ТАСС (Участники митинга против строительства храма на территории парка «Торфянка» в Лосиноостровском районе)

Подписано к печати 09.12.2016

Формат 60x90 1/8.

Гарнитура Garamond Premier Pro.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 4

Тираж 300 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна

Россия, 125040, Москва,

Ленинградский проспект, 11-28

classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва,

Тверская ул., д. 16/2

Тел.: + 7 495 935-89-04

Факс: + 7 495 935-89-06

Email: info@Carnegie.ru

www.Carnegie.ru

Отпечатано в типографии «Самполиграфист»

129090, Москва, Протопоповский переулок, д. 6

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН ДЕЛИ МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru